

Научная статья

УДК 1/159.9

EDN: <https://elibrary.ru/qrmxmf>

NION: 2003-0059-3/26-561

MOSURED: 77/27-003-2026-03-760

Психологическое содержание феномена идейной преступности

Олег Геннадиевич Кравцов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kravtsovog@gmail.com

Аннотация. Рассматривается феномен идейной преступности. По мнению автора, это явление находит свое выражение в деятельности телефонных и интернет-мошенников. Многие из них, будучи очень способными людьми, направляют свои силы на криминальную деятельность по идейным соображениям. И число таких преступлений устойчиво растет. Анализ литературы показывает, что есть множество подходов к этой проблеме. Но большинство из них декларативны по сути. Автор, опираясь на свои эмпирические исследования приходит к выводу, что в основе идейной преступности лежит интолерантность личности, порождаемая «образом врага», что, в свою очередь, отражает специфическую внутреннюю картину мира таких преступников.

Ключевые слова: идейная преступность, терроризм, мошенничество, причины преступности, психология преступника, интолерантность, образ врага

Для цитирования: Кравцов О. Г. Психологическое содержание феномена идейной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2026. № 3. С. 199–204. EDN: QRMXMF.

Original article

Psychological content of the phenomenon of ideological crime

Oleg G. Kravtsov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kravtsovog@gmail.com

Abstract. The phenomenon of ideological crime is considered. According to the author, this phenomenon finds its expression in the activities of telephone and Internet scammers. Many of them, being very capable people, direct their forces to criminal activities for ideological reasons. And the number of such crimes is growing steadily. An analysis of the literature shows that there are many approaches to this problem. But most of them are declarative in essence. The author, relying on his empirical research, comes to the conclusion that the basis of ideological crime is the personality tolerance generated by the «enemy image», which in turn reflects the specific internal picture of the world of such criminals.

Keywords: ideological crime, terrorism, fraud, causes of crime, psychology of a criminal, intolerance, image of the enemy

For citation: Kravtsov O. G. Psychological content of the phenomenon of ideological crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026;(3):199–204. (In Russ.). EDN: QRMXMF.

В современной напряженной общественно-политической ситуации в России и на фоне проведения специальной военной операции в структуре преступного и противоправного поведения увеличивается число злоумышленников особого идейного характера. Все больше появляется преступников, которые совершают преступления как бы из идейных соображений. Не просто прикрываясь некими политическими лозунгами, а искренне веря в свою правоту. Эти злоумышленники готовы совершать преступления как против страны в целом, так и против конкретных граждан или представителей титульной нации [2].

На наш взгляд, этот феномен представляет собой особый интерес для психологического анализа и

осмысления. Актуальность изучения этой проблемы очевидным образом связана с остро социальным запросом и негативными последствиями этого явления. Но тут также важно само по себе значение психологической составляющей в причинах этого явления. Изучение преступного и противоправного поведения показывает сложную комплексную природу причин этих явлений. Не редко психологические причины преступного поведения оказываются отнюдь не ключевыми в этом комплексе. А большее значение имеют причины социологические, экономические, педагогические, культурные и иного характера. В случае с идейными преступниками все эти причины также присутствуют в комплексе, но именно психологическая составляющая выходит на пер-

© Кравцов О. Г., 2026

вый план и представляет собой интерес для понимания истоков этого явления [3].

Как показывает анализ научной литературы по этому вопросу, концепция идейных преступников в том или ином виде встречается у многих авторов. Однако сколько-либо единого или системного подхода к этой проблеме на сегодняшний день не обнаруживается. И довольно часто этот феномен описывается достаточно поверхностно.

Одним из первых авторов, у кого встречается это явление в рамках систематического описания преступников, является Ч. Ломброзо. Автор обозначает их как «преступники по страсти». В данном контексте страсть понимается как в том числе нечто затмевающее и поглощающее разум. В более поздних работах психиатров подобные интенции будут обозначать как сверхценные и навязчивые идеи. Ч. Ломброзо довольно подробно анализирует поведенческие повадки и взгляды анархистов и революционеров своего времени. Главный вывод, к которому приходит исследователь: все декларируемые революционерами и анархистами лозунги, на самом деле просто прикрывают вполне очевидные и довольно примитивные интенции, связанные со стремлением к биологической доминантности и власти. Проще говоря, все идейные соображения — не более чем, ширма для прикрытия внутривидовой конкуренции [5, с. 243–255].

Но именно Ч. Ломброзо вскрывает важнейшую и ключевую особенность этого типа преступников — высокую гибкость их ума. Они не просто интеллектуально сохранны. Зачастую они обладают высокими и даже выдающимися когнитивными способностями. Их сомнительные и спекулятивные доводы в пользу преступного поведения зачастую складываются в довольно стройную идеологическую систему. В большинстве своем подобный тип преступников испытывает острую необходимость в интеллектуальном осмыслении и аргументировании оправданности своих действий.

Однако для самого ученого преступники по страсти — в первую очередь управляются своими внутренними животными интенциями. Страсть в данном контексте понимается как примитивная не рациональная движущая сила. А рациональное осмысление и облечение этой страсти в систему лозунгов или даже идеологии — всего лишь вторичное следствие.

В психологической науке есть и противоположная позиция, объясняющая феномен идейных пре-

ступников с точки зрения как раз формирования системы самооправдания. Сторонники этой позиции видят первопричину в неверном усвоении общечеловеческих ценностей, в извращении интеллектуального характера. Здесь обычно соседствуют представители из социальной психологии и когнитивного направления.

Представители социальной психологии рассматривают эту проблему обычно в широком контексте неверной социализации. Причем причины прослеживаются на глобальном уровне, когда общество в целом не в состоянии регулировать и направлять поведение своих членов и дезорганизовано, так и на конкретном уровне семьи как источника социализации; на уровне разрушения традиционных или характерных институтов воспитания и культурной трансмиссии.

Представители когнитивного направления рассматривают эту проблему как неверную работу с информацией. Хорошим примером в этом отношении является модель пропитывания посылками к агрессии Дожда и Крика. Авторы описывают поэтапно как человек выбирает из окружающей среды неверные стимулы, неверно их оценивает и интерпретирует, а затем делает на этом неверные выводы и принимает неверное решение. Одним из частных и очень хорошо описанных в психологии феноменов в этом плане является предвзятая атрибуция враждебности. При этом феномене человек видит угрозу и готов отвечать агрессией даже если это не соответствует действительности [1].

В каком-то смысле в противовес биологическому подходу и объяснению Ломброзо, социальная психология и когнитивная школа видят проблему именно в рациональной составляющей. Не верных выводах или искаженно понятых ценностях. В отличие от биологического подхода, социально когнитивный предполагает совсем иной потенциал для исправления и коррекции этой проблемы; с ней можно выстраивать систематическую борьбу и профилактику.

Третий подход к объяснению и раскрытию психологической составляющей идейной преступности видит в искажении морали и нравственности, духовной составляющей человека. Этот подход в большей степени обнаруживает себя в работах гуманистических психологов. Так, Э. Фромм, обсуждая базовые драмы человеческого бытия, выделяет противоречие свободы и страха перед ней. Для преодоления этого противоречия автор выделяет три возможных пути.

Первый: авторитарная личность отказывается от собственного Я, от бремени свободы и автономности. Ее крайним выражением является садомазохистский комплекс. Не редко это находит выражение в фанатичном тоталитаризме. Второй механизм бегства — автоматизирующий конформизм, при котором человек полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему социальным шаблоном, утрачивая индивидуальность. Третий путь — деструктивность — связан с отчуждением от мира через его разрушение. В отличие от садизма, деструктивность не стремится к господству, но она превращает все живое в мертвое [10, с. 85–122].

Очень любопытно предстает эта же проблематика идейной преступности, но в исследованиях несколько иного толка, например, литературных. С. И. Чудинов анализирует девиантные личности, идейную составляющую их правонарушений изображенных в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». С точки зрения автора именно моральные дефекты и искажения мировосприятия персонажей стоят за их решениями и действиями. Их психологическая природа объясняет и оправдывает их поведение и отношения [11].

Анализ проблематики идейной преступности обнаруживает достаточно специфическую картину. С одной стороны, проблемы признают многие ученые и достаточно разнообразно ее рассматривают. С другой стороны, все эти рассуждения обычно достаточно поверхностные и не конкретные. Все заканчивается на уровне декларирования идеологической составляющей как одной из возможных причин, детерминирующих противоправное поведение [6].

Вместе с тем, ситуация значительно более острая и злободневная, чем может показаться. Научное осмысление проблемы идеологической составляющей преступности важно в связи с изменившейся социальной ситуацией и новшествами в преступной деятельности. Так, большое распространение получают преступления, совершаемые удаленно через Интернет и мошеннические телефонные звонки. При этом люди, задействованные с таких преступных схем, не только сами операторы, работающие непосредственно с жертвой, но и многочисленные инженеры, технические специалисты, хакеры, финансисты, и прочие нередко отличаются идеологической зараженностью. На наш взгляд, вопиющим в этой ситуации является то что большинство этих преступников, совершаю-

щих подобную преступную деятельность, отличаются достаточно высокими способностями. Они легко могли бы найти применение своим талантам в мирной жизни — но предпочитают и выбирают именно обман и злонамеренные действия против других людей [9].

Традиционно в криминологических трудах, в том числе, где обсуждается психологическая составляющая преступной деятельности, выделяется несколько уловных типажей правонарушителей. Есть примитивно агрессивный тип. Это преступники, совершающие свои преступления в силу низкого образовательного культурного и социального уровня. Они во многом жертвы жизненных обстоятельств. С ними плохо обращались в семье, они сами подвергались насилию или не имели возможности легально реализовать свой жизненный потенциал. Что в результате привело их на криминальный путь.

Этому типу преступников обычно противопоставляют так называемых «белых воротничков». Они в каком-то смысле находятся на другом полюсе. Они хорошо образованы, достаточно социально благополучны и внешне нормативны. Они могут прикидываться хорошими людьми. Но получив власть, они начинают ей злоупотреблять, совершая различные махинации и обманывая систему и других людей с целью получения выгоды и власти. Если упростить, по своей сути такие преступники стали жертвой соблазнов. Получив возможность обмануть и получить выгоду он не устоял и воспользовался этим. Иногда это изначальная цель получения ими власти и полномочий. А иногда это происходит только когда они эти возможности для себя открывают. Как говорят в народе, не прошли испытания властью.

Так вот современные идеологические преступники — это третий тип с точки зрения психологического устройства. Они встают на путь преступной деятельности как бы «добровольно». Это не трудная жизненная ситуация или появившаяся возможность их толкает на преступления. Это их выбор и их внутренний осмысленный мотив. Они не просто оправдывают себя, они готовы преодолевать социальное сопротивление и идти на риск для отстаивания своих идеалов. В этом плане те самые белые воротнички скорее как раз отказываются от идеалов. Оправдывая свои действия, они просто обесценивают моральные устои и нравственные ограничения. А вот идеологические преступники, наобо-

рот, именно свои убеждения ставят выше всех других запретов.

Если так рассматривать идейных преступников, встает главный вопрос: что именно и как искажается в их психологии, что приводит их к такому выбору и жизненной позиции. К сожалению, возможности провести соответствующее эмпирическое исследование на сегодняшний день у нас нет. Однако доступные для анализа материалы реальных уголовных дел и расследований по подобному типу преступления нами были по мере возможности проанализированы. Мы использовали в основном качественные, а не количественные методы и вариативный контент-анализ для решения этой задачи. Кроме того, нами использовалась некоторая доступная аналитика.

В результате проведенного нами исследования вопроса можно сказать, что обозначенная группа идейных преступников также не однородна. Есть несколько типажей преступников, и по-разному вовлеченных в эту деятельность и с разными способами оправдания себя. Есть отличия в искажениях правосознания, и социальных ценностей. Некоторые из них ссылаются на острое переживание несправедливости мира, обиды и ненависти к режиму, политике, лидерам, нациям и т. д. При этом аргументация этого отношения достаточно слабая. Как ни странно, четкости и непротиворечивости позиции на проверку тут не обнаруживается. Проще говоря, очень многие идеологические преступники на самом деле достаточно слабо идеологически подкованы.

По нашему убеждению, проблему необходимо искать именно в смысловой сфере, а не в значениях. Именно системное и смысловое устройство сознания лежит в основе их психологического дефекта. Проведенный анализ, а также опыт предыдущих эмпирических исследований на похожую тему, позволил нам выдвинуть теоретическое предположение относительно единой психологической природы и подоплеку идейной преступности. У большинства идейных преступников в смысловой сфере обнаруживается один устойчивый феномен. Очень многое в их отношении и поведении объясняется благодаря расчеловечиванию образа жертвы. В их сознании жертва их преступного покушения заслуживает такого обращения. Более того, наказание или принесение страданий и вреда такой жертве не просто оправданно и возможно, а как бы является шагом к восстановлению справедливости и баланса в мире. Наносить вред

таким жертвам не только не зазорно, но и по-своему почетно. Это позволяет как внутреннее чувствовать доминацию, самоутверждение, так и в идеологическом плане как будто бы делать мир лучше.

Подобное отношение к жертвам — это конечно следствие, а не причина. Оно появляется не изначально как источник их противоправной деятельности, а как способ оправдать внутренний конфликт и сделку с собственной совестью. Даже без проведения специальных исследований можно сказать, что многие из этих преступников обладают достаточно развитой рефлексией. Они могут критически оценивать и себя, и свои поступки. Они не считают себя плохими или злоумышленниками. Более того, среди них обнаруживаются достаточно самовлюбленные персонажи, уверенные в своей правоте и превосходстве.

Построение подобной внутренней картины мира у идейных преступников можно было бы связать с проявлением ксенофобии. Строго говоря, многие ученые, особенно глубинной направленности, именно так обычно и осмысливают эту проблему. Враждебное отношение к другому, инакому, непохожему является выражением детских травм, тревоги, связанной с другим человеком. Страх всего непривычного и нового отражает недоверие к миру и внутреннюю неуверенность в самом себе. А желание уничтожить и навредить всему незнакомому, это непринятие самого себя и проецирование собственных негативных качеств на своего оппонента [7, с. 18–24].

Подобное понимание проблемы достаточно понятно и в целом объясняет ситуацию. Однако проявление ксенофобии достаточно часто рассматриваются учеными как глобальное социальное явление; т. е. это в большей степени не характеристика конкретного человека, а скорее общая тенденция в определенной социальной группе или обществе. Именно социальные установки и представления подпитывают или противостоят ксенофобским проявлениям [8].

Ранее проведенные нами исследования показывают, что одним из ключевых проявлений интолерантности в сознании и самооправдании является «образ врага» [4, с. 103–127]. Строго говоря, это метафора, а не термин. Однако эта метафора достаточно емко позволяет отобразить суть проблемы. Во внутренней картине мира враг, противник, антагонист выполняет вполне определенную функцию. Этот конструкт позволяет упростить атрибутивные процессы

и социальную перцепцию. Задать четкие и простые шаблоны социального восприятия. А главное — представить самого человека в лучшем свете. Образ врага решает ряд возрастных задач. Особую актуальность приобретает в подростковом возрасте. Причем острота кризиса повышает значимость этого конструкта и такой организации внутренней картины мира.

Проведенное исследование психологического содержания идейной преступности, конечно, в большой степени является поисковым. Сделанные выводы не могут носить строго научного характер и являются в известной степени допущениям и научными предположениями. Однако, по нашему мнению, эта чрезвычайно актуальная работа. Не только потому, что современная криминальная ситуация показывает устойчивый рост такого числа преступлений. Сама по себе фундаментальная теория преступного и даже просто отклоняющегося поведения требует уточнений и расширений в связи с распространением этого типа преступного поведения.

Список источников

1. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб. : Питер, 2001.
2. Васнецова А. С., Вилинский Г. О., Горшечникова Е. П. и др. Борьба с терроризмом = Struggle against terrorism: новые вызовы и угрозы / под общ. ред. В. В. Меркурьева. М. : Проспект, 2024.
3. Кравцов О. Г. Психологическое содержание понятия «девиантное поведение» в культурно-исторической теории // Психолого-педагогический поиск. 2016. № 3 (39). С. 113–120.
4. Кравцов О. Г. Толерантность как единица исследования онтогенеза личности (на материале законопослушных и девиантных подростков и юношей): дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008.
5. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты: сборник. М. : Инфра-М, 2004.
6. Лопушанский И. Н. Радикализм и экстремизм как основания терроризма и террора // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 47–50.
7. Лопушанский И. Н. Радикализм: теория и практика: учеб. пособие для магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016.

ПСИХОЛОГИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3-е изд., перераб. и доп. Учеб. пособие

Гриф НИИ образования и науки

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований

Под ред. В. Л. Цветкова, Н. А. Кузьмина,

И. Б. Лебедева, А. Ю. Федотова

Психология ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Третье издание

Учебное пособие включает систему основных понятий психологии оперативно-розыскной деятельности, рекомендации эффективного самоопределения в ситуациях взаимодействия с лицами, представляющими оперативный интерес, а также основы психотехники решения профессиональных задач сотрудниками органов внутренних дел. Его содержание соответствует рабочим программам учебной дисциплины для обучающихся по специальностям 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка».

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, практических работников и всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

8. Лопушанский И. Н. Радикальные основания идеологии экстремизма. В сб.: Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: мат. ежегодной всерос. науч.-практ. конф. В 2 т. / сост. Ю. А. Кудрявцев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 21–29.

9. Ратинова Н. А., Кроз М. В. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1 (29). С. 35–42.

10. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г. Ф. Швейника, Г. А. Новичковой. М.: Академический проект, 2008.

11. Чудинов С. И. Девиантное сознание и метафизика «идейного преступления» у Ф. М. Достоевского (на материале романа «Братья Карамазовы») // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8. С. 493–496.

References

1. Baron R., Richardson D. Aggression. St. Petersburg: Peter, 2001.

2. Vasnetsova A. S., Vilinsky G. O., Gorshechnikova E. P. and others. The fight against terrorism = Struggle against terrorism: new challenges and threats / under the general editorship of V. V. Merkuryev. M.: Prospekt, 2024.

3. Kravtsov O. G. The psychological content of the concept of «deviant behavior» in cultural and historical theory // Psychological and pedagogical search. 2016. No. 3 (39). P. 113–120.

4. Kravtsov O. G. Tolerance as a unit of research of personality ontogenesis (based on the material of law-abi-

ding and deviant adolescents and young men): diss. ... candidate psychological sciences. M., 2008.

5. Lombroso Ch. Crime. The latest advances in criminal science. Anarchists: collection. M.: Infra-M, 2004.

6. Lopushansky I. N. Radicalism and extremism as the foundations of terrorism and terror // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 9. P. 47–50.

7. Lopushansky I. N. Radicalism: theory and practice: textbook a handbook for graduate studies. 2nd ed., revised St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016.

8. Lopushansky I. N. The radical foundations of the ideology of extremism. In: Economic security of the individual, society, and the state: problems and ways to ensure: mat. Annual All-Russian Scientific and practical conference. In 2 vol. / comp. Yu. A. Kudryavtsev. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. P. 21–29.

9. Ratinova N. A., Kroz M. V. On countering extremism by unsuitable means: legal, psychological and ethical aspects // Theory and practice of forensic examination. 2013. No. 1 (29). P. 35–42.

10. Fromm E. Escape from freedom / translated from English by G. F. Schweinik, G. A. Novichkova. M.: Academic Project, 2008.

11. Chudinov S. I. Deviant consciousness and the metaphysics of «ideological crime» by F. M. Dostoevsky (based on the novel «The Brothers Karamazov») // Eurasian Law Journal. 2021. No. 8. P. 493–496.

Информация об авторе

О. Г. Кравцов — доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

O. G. Kravtsov — Associate Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 03.04.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 03.04.2026.